

30 АПРЕЛЯ - ДЕНЬ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЖЕНЩИН

«...очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу и... нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса», — доходят до нас слова апостола Луки о событиях, происшедших более двух тысячелетий назад.

Распятый Богочеловек, пришедший на землю, воскрес. Женщины, не побоявшиеся следовать за Ним до конца, первыми узнали о величайшем событии и возвестили апостолов. Разве нет в том особого промысла Божиего?! И не стало ли христианство единственной мировой религией, столь высоко поставившей женщину... Не случайно предстоящий праздник стал Днем православных матерей, жен, дочерей, сестер. Сколь же высока роль их любви, на которой держится мир.

Любовью названа та, о ком пойдет сегодня речь.

— Любей называйте, так мне привычней, — первым делом попросила меня Любовь Юрьевна Долинская, когда по телефону зашла речь о нашей предстоящей встрече. Мы давно с ней знакомы, если можно назвать знакомством краткие приветствия в храме по праздничным дням. Глянешь порой в ее сторону на литургии — стоит возле скамьи, как вкопанная в мраморный пол собора, держится на своих костылях, на минутку не присядет. Невелика росточком, седовласа, но какая внутренняя энергия в ней, матери большого семейства. Поднималась я на второй этаж, чтобы позвонить в ее дверь в условленный час, и не понимала: как она на своих больных ногах да с подпорками одолевает ежедневно эти покатые, нескладные ступени? На обратном пути уже знала, откуда берутся терпение и мужество в этой хрупкой женщине. И разноцветные шары, о которых расскажет Люба, долго будут в моем воображении. Все так же под потолком, на сквозняке коридора, подвешенные детьми, внуками и правнуками в юбилейный мартовский день прошлого года. Голубые, розовые, синие... — их было 70, по числу прожитых ею лет, хотя не столь же ярких. Ахнула от восторга мама-бабушка, вернувшись из собора и переступив порог дома. Что ни шар — то прожитый год, тут же поняла она задумку детей. Люба шла, подхваченная внуками по обе стороны, и понимала всем сердцем: шары не пустые, наполнены любовью. Сколько же самой ей нужно было вложить в эти годы, чтобы состоялся тот юбилейный день.

Не в один час беседы раскрылось передо мной пережитое. Мы сидели за круглым столом напротив просторного окна, на нем — лоскутки ткани, готовые в любую минуту оказаться в ее руках. Юрьевна вышивает бисером иконы. Сколько святых образов разослано по храмам, благодаря ее мастерству, упорству, любви к Богу и людям. Богородица с Младенцем, святые Божии угодники — как прекрасны их лики. Они здесь же, на столе, готовые иконы в рамках. «Будто что-то теряю, когда заканчиваю иконку и ее увозят из Валоек, как частицу духовной жизни».

— Бисер, такой мелкий... Как управляется? — удивляюсь, любуюсь трудом Любви и не жду ответа. Понимаю: она не против откровенности. Но такой, чтобы ненароком не превознести, не осудить другого. Потому, передав с первых минут встречи инициативу в мои руки, взвешивает каждое свое слово. Непросто вести такой диалог, когда мне самой приходится нащупывать линию беседы и предлагать варианты ответов и выводов в щекотливых вопросах. Зато как легко принимает она все без ложных неудобств и гордости. Обезножила на пятом году жизни, переболела полиомиелитом. Позже одна нога ожи-

ла, девочка стала ходить. Передвигалась без костылей, согнувшись и переставляя большую ногу рукой, держась за колено. И все же к 15-16 годам, перенесла два хирургических вмешательства, девочка не сможет самостоятельно ходить. Так появятся костыли, которые никак не отразятся на характере Любы, не испортят его задетым самолюбием, с которым никогда не носилась. Училась успешно, окончила среднюю школу, пошла овладевать профессией в швейной мастерской.

На этом месте разговора о прожитом неожиданно узнаю: Люба росла сиротой. Социальное сиротство. Так называется это явление, столь распространенное сегодня. Мать отказалась от дочери, в раннем детстве оставила на попечении своей сестры.

— Почему — не знаю, — пожалала плечом на мои расспросы. — Возможно, мешала ей, безмужней, в личной жизни. Далеко уехала Мария, в Мурманскую область. Тетя Серафима заменила Любушке мать. Бывало, появится какой пряник в те голодные годы — не сыну спешит его дать, а племяннице. Жалела сироту.

— Мамой называли? — спрашиваю полутвердительно и слышу в ответ неожиданное и спокойное «нет».

— Для родной матери место сохраняли в сердце? — позволяю себе предположить.

— Может, и так, — соглашается как бы отстраненно, не осуждая женщину, давшую ей жизнь. Все преломила в себе, не дала превратиться в непрощаемые обиды. А разве легко было пережить боль, когда мать предавала. Как тогда, когда, только что выйдя замуж и поверив в счастье, Люба устремилась на костылях в Мариуполь. Мария сейчас там, явилась на отды. «Не мучай себя, не нужна ты ей», — рассудил молодой муж и оказался прав. Мария, уже устроившая свою судьбу и нарожавшая детей, опять отказала ей во встрече. Всю жизнь Люба будет в телеграммах поздравлять мать с днем рождения, не ожидая ответов. Многодетная, Мария умрет в одиночестве. «Равнодушие всему виной», — не осуждая, посочувствует теперь ему брошенная дочь.

— А как вы с мужем встретились? — перевожу разговор на легкую тему. — Не на танцах же?

— Да что там! — весело отмахнулась. — «Вам нужен жених?» — спросил знакомый моей бабушки и привел Анатолия, который приехал из другого района и устроился на предприятие УПП ВОС. Инвалидом по зрению он был. Хорошую жизнь прожили. Пятерых родила, четверо выросли.

— При таком-то недуге. Как же вынашивала, рожала, растила? — поражаюсь, слушая.

Счастливая

Послезавтра, 30 апреля, православные отметят День святых жен-мироносиц

— Да, врачи предупреждали настойчиво: рожать нельзя. Но Господь хранил, — отвечает спокойно. — Хотя, если честно, теперь сама удивляюсь, как справлялась с жизнью? Будто во сне встают прошедшие годы. «Трудные до нереальности», — заканчиваю про себя ее мысль, слушая воспоминания.

...Танюшка в коляске. Лариса, двумя годами постарше, ухватилась за маму. Магазин, длинная очередь 70-80-х годов, не всегда готовая к сочувствию к женщине на костылях и с малышами. Запритчали соседи, когда на свет появился третий: «Мальчишка убежит. Как догонять станешь? Не справишься!»

Управилась и с Витюшкой. Вовик надорвал материнское сердце, ее четвертый ребенок. Вдруг заболел и неизвестно от чего в один день сгорел в больнице. Сколько слез пролила Люба на могилке. Когда забеременела пятым, к жизни вернулась.

— Счастливая, — заговорили завистливые через годы. — Муж уважает и дети послушные. Прекрасная семья, и внуки пошли один за другим.

Но кто знает, как дается по сей день каждый шаг этой счастливице. И какая сила держит ее на земле.

Первое, основное ее счастье — православие познала с раннего детства. Бабушка была верующей, и в девочке подспудно формировалось отношение к жизни по заповедям Господним: почитай родителей, не осуждай, люби и будь терпеливой. Вера и спасала ее в трудные минуты, а потом женщина с именем Вера привела в храм. Через паломничества начинался путь. Задонский мужской монастырь, Оптиная пустынь... — сколько духовной радости познала Долинская в те годы. Прибудут в святое место Вера и Любовь, православные женщины с большими ногами, у раки святого позволят им присесть. «Такая благодать сходит, покой такой», — вспоминает собеседница.

А потом осветили восстановленный Свято-Николаевский собор, и душа Любы прилепилась к нему. Каждый день готова ехать сюда на службу. «Такое утешение души...», — делится сейчас в разговоре самым душевным и личным. Благодарна Ирише, Иришеньке, как называет ласково регента хора этого святого места И.В. Чуйкину. Ирина Васильевна сама за рулем, не забывает подъехать утром за Любовью Юрьевной, а после литургии отвезти домой. По воскресным, праздничным дням. Но трудно прожить без храма всю неделю. Бывает, отваживается, отправляется своим ходом на службу в Никольский храм, в центре города. Испытанием на терпение воспринимает Любовь этот путь. «Иду и плачу от боли и не понимаю, как можно здоровым не спешить в церковь», — делится переживаниями.

Все тяжелее инвалидность с возрастом. Мучает и другая нога, бывшая когда-то опорой. Надорвалась от двойной нагрузки.

«Если бы, Господи, Ты дал мне несколько минут отдохнуть от боли, — порой говорю по дороге, — продолжает Любовь доверительно. — И все же — слава Богу за всё! — восклицает опять утром, перекрестившись. Так начинается день со Христом. Солнышко светит, или тучи закрыли небо — за все благодарна. «Муж порой не справлялся с трудностями, выпивал — терпела, помогали друг другу. Дети ошибались — старалась понять, направить», — как бы сама с собой рассуждала неспешно, обдумывая прожитое.

Звонил то и дело мобильный в кармане Любви. Прерывала сама себя, что-то подсказывала то одной, то другой дочери. Правнук сидел на ее коленях, шестимесячный Анатолий, очень серьезный, названный в честь прадедушки, строго смотрел мне в глаза, изучал, не реагируя на мои «гули-гули». Анатолия унесли домой, из школы вернулся черноглазый Максим и сходу объявил бабушке: получил две «четверки». Поцеловались, порадовались.

— Максимке уже десять, пять — на моем попечении. Сыном своим считаю, — объяснила бабушка Люба.

— При таком-то недуге?! — поражаюсь, зная, чего стоит ей каждый шаг теперь, когда время к старости.

— Родители разошлись, невестка отдала ребенка, но мир не без добрых людей. Помогала соседка, ее мальчик-ровесник, ходил в тот же детский сад и теперь они учатся в одном классе, — заговорила про еще одно сиротство и вспомнила, как беспомощно рухнула однажды, испугав Максиму. В детсаду пол был только что вымыт, вот и поскользнулась. Шагнула, костыли разъехались. Выбежал из группы мальчонка и заплакал: «Бабушка упала».

И это уже в прошлом. Красивый здоровый внук подрастает на глазах терпеливицы бабушки, нареченной при рождении Любовью.

— Зря нынче боятся рожать детей, — делает вывод она. — Когда-то осуждали меня — «ходит как клушка с цыплятами». Зато радость какая теперь у меня. Поросль пошла — семь внуков, шесть правнуков, и всех их люблю», — завершает нашу беседу, предлагая полистать фотоальбом. Раскрываю, взгляд падает на фото, запечатлевшее двух красавцев-парней. «А кто между ними?» — не могу разобраться в маленькой фигурке, голова которой чуть выше их пояса. «Да это ж я с сыновьями», — смеется в ответ.

— Вот и говорю своим детям: вы были маленькими — я вам нужна была. А теперь вы мне необходимы. Подошла, поцеловала — и мне больше ничего не надо, — завершает свою мысль мать-бабушка-прабабушка.

— Вы счастливая? — спрашиваю, удивляясь своему вопросу.

— Счастливая, — просто отвечает желающая остаться Любой до конца своих дней, и светло улыбается.

Людмила ГАРГУН